

К вопросу об истории процессуальной регламентации и тактических приемах ведения допроса в России в эпоху Петра I

П.И. ЗИНЧЕНКО – аспирант Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

В статье раскрываются вопросы процессуальной регламентации и тактические приемы ведения допроса через призму нормативных актов, принятых в эпоху царствования Петра I, и теоретических рекомендаций по тактике ведения допроса, разработанных современниками Петра Великого.

Ключевые слова: допрос; тактика допроса; Петр I; свидетели; пытка; Артикул воинский; краткое изображение процессов; суд; И.Т. Посошков; Книга о скудости и богатстве.

To the question of the history of procedural regulation and tactical methods of interrogation in Russia in the time of Peter I

P.I. ZINCHENKO – post-graduate of the Academy of Prosecutor General of the Russian Federation

The author researches an age of reign of Peter I (1682-1725), characterized by the considerable changes, concerned a majority of spheres of life of the Russian society, including jurisprudence. In article questions of a remedial regulation and tactical receptions of conducting interrogation through a prism of statutory acts of the specified period and theoretical recommendations about tactics of conducting the interrogation, developed by Peter the Great contemporaries reveal.

Key words: interrogation; interrogation tactics; Peter I; witnesses; torture; the Article Military; the Short image of processes; court; I.T. Posochkov; The Book about scarcity and riches.

Любое теоретическое исследование без изучения истории вопроса будет неполным, поскольку научное знание содержит информацию не только о результате, но и о процессе становления.

В свете изучения тактики допроса эпоха царствования Петра Великого (1682–1725 гг.) представляет собой несомненный интерес, поскольку до наших дней дошел ряд документов этого периода, содержащих рекомендации относительно процедуры проведения названного процессуального действия и тактики получения показаний.

Вхождение Петра I на престол ознаменовало собой начало целого ряда реформ, в том числе и в сфере судопроизводства. Указом «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных расспросу и розыску, о свидетелях об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах» от 21.02.1697 г.¹ по уголовным делам исковой судебный процесс, существовавший со времен Киевской Руси, заменялся государственным сыском. Сыск, проводившийся тайно, быстрыми темпами

и без стеснения в средствах, более отвечал интересам государя, чем судопроизводство на принципах устности, гласности и состязательности сторон. Тем же самым указом вводилась смертная казнь за лжесвидетельство, что демонстрировало отношение власти к этому явлению.

Смертная казнь представляется нам чрезмерно суровым наказанием за данное преступление против правосудия, однако необходимость усиления ответственности ввиду распространенности лжесвидетельства сохранила актуальность и в современной правоприменительной практике. Как следствие, тактические приемы допроса, направленные на убеждение допрашиваемого лица в необходимости отказа от ложных показаний, должны стать более эффективными.

Указом от 30.03.1715 г. под названием «Краткое изображение процессов или судебных тяжб против римских, цесарских и саксонских прав» Петр I законодательно закрепил за судом обязанность организации сыска: «Процесс есть сугубый (двойкий).

(1) Когда челобитчик, который на ответчика учиненного ради преступления пред судом жалобу приносит, и со оным только процесс имеют. (2) Когда судья ради своего чину по должности судебный вопрос и розыск чинит: где, каким образом, как и от кого такое учинено преступление»².

Необходимо отметить, что согласно ст. 2 гл. 2 вышеназванного акта как гражданский, так и уголовный процессы проводились по единым правилам, изложенным в нем.

Составление «Краткого изображения процессов» приписывается обычно обер-аудитору русской армии в Польше Э.Ф. Кромпену, при этом считается, что окончательная редакция была сделана самим Петром I³. Помещение данного указа в один том вместе с воинскими артикулами и само его содержание дали основание полагать, что «Краткое изображение процессов» касалось совершения процессуальных действий только по воинским преступлениям⁴. Однако ряд исследователей указывают на регулярное применение норм «Краткого изображения процессов» и в уголовном, и в гражданском процессе⁵. М.Ф. Владимирский-Буданов по этому вопросу высказывался следующим образом: «Законодатель не объяснил, к какого рода судам и делам должно быть применено “Краткое изображение процессов”. Думать надобно, что по первоначальной его мысли применение его ограничивается военными судами»⁶.

Некоторые ученые прямо говорили о применении этого указа в невоенных судах, ссылаясь на указ Петра I Сенату от 10.04.1716 г.⁷ Другие исследователи (например, О.И. Чистяков), напротив, доказывали, что «Краткое изображение процессов» использовалось только военными судами⁸. Все же наиболее правильной нам представляется позиция М.А. Чельцова-Бебутова, который полагал, что «Краткое изображение процессов» было принято в качестве руководства для военных судов, но «практика его применения была более широка»⁹.

В результате анализа текста указа необходимо отметить, что в гл. 5 «Об адвокатах и полномочных» впервые упомянут институт адвокатуры, позаимствованный Петром I из западной правовой системы. Адвокаты принимали участие в процессе вместо стороны, присутствие которой было невозможно по уважительным причинам (чаще всего это болезнь). Сам Петр I, скорее, негативно относился к адвокатам: «Однако ж, когда адвокаты у сих дел употребляются, оные своими непотребными пространными приводами

судью более утруждают, и оное дело толь паче к вящему пространству, нежели к скорому приводят окончанию»¹⁰.

Система доказательств выстраивалась последовательно и включала в себя четыре элемента: собственное признание, свидетельские показания, письменные доказательства и присягу.

Петр I считал собственное признание лучшим доказательством в мире. При этом им вводились требования к признанию вины: оно должно было быть заявлено перед судьей, в противном случае юридической силы не имело; должно было быть полным и при этом затрагивать такие обстоятельства и факты, которые бы не позволили сомневаться в его истинности; если человек признавался под пыткой в совершении преступления, а в суде отказывался от своих показаний, его следовало пытать снова, если же он, признавшись повторно, снова отказывался в суде от своих показаний, следовало пытать и в третий раз, когда и в третий раз подсудимый отказывался от признания под пыткой, его следовало отпустить, но при этом указывалось, что при возникновении новых подозрений лицо может быть вновь подвергнуто пытке.

Глава 3 «О свидетелях» посвящена второму типу доказательств – показаниям свидетелей. В качестве свидетелей должны были привлекаться лица женского и мужского пола – «добрые и беспорочные люди, которым можно верить»¹¹. Имелся список из 17 пунктов, в котором перечислялись категории лиц, не допускаемых к даче свидетельских показаний в процессе. Среди них упоминались прелюбодеи, лица младше 15 лет, приверженцы неправославной веры и т.д. Инициатива по отводу свидетеля возлагалась на стороны, которые должны были сообщить суду о пороке, препятствующем допросу. Свидетели допрашивались судьей по месту нахождения суда, однако ст. 9 устанавливала исключение из данного правила: знатные особы, шляхетские жены или немощные могли быть допрошены по месту жительства секретарем и ассессорами.

Имели место в «Кратком изображении процессов» и тактические рекомендации. Так, свидетелей допрашивали после ответчика (подсудимого). В результате суду легче было определить круг задаваемых вопросов и исследовать версию защиты. Вместе с тем имел место и обратный порядок: если свидетель был болен и мог в скором времени скончаться или собирался надолго уехать, то он мог дать показания и до начала

процесса. В таком случае получалось «свидетельство всегдашней памяти», которое использовалось в доказывании наряду с иными показаниями.

Подобные процессуальные моменты имеют особый практический интерес. В связи с развитием в современной России миграции населения получить показания непосредственно в ходе судебного следствия иногда затруднительно. Введение института судебного поручения в части допроса свидетелей или потерпевших судом по месту их нахождения с применением средств видеосвязи может значительно сократить сроки судебного разбирательства и судебные издержки. Также считаем необходимым ввести в уголовно-процессуальное законодательство норму, позволяющую по ходатайству сторон производить допрос свидетеля или потерпевшего до начала судебного следствия, но после поступления уголовного дела в суд при наличии возможности выезда допрашиваемого лица за пределы Российской Федерации или тяжелого состояния его здоровья.

Продолжая разговор о свидетелях, необходимо отметить, что при подходе к оценке их показаний имело место применение теории формальных доказательств. Доказательства делились на совершенные и несовершенные, причем оценивались в зависимости от приводящего их субъекта: свидетель мужского пола считался лучше свидетеля-женщины, знатный лучше худого, ученый лучше неученого, духовный лучше светского и т.д. Существовал и институт судебной очной ставки между свидетелями с целью устранения противоречий в их показаниях.

В настоящее время существует форма шахматного допроса, в ходе которого допрашивающий вправе ставить вопросы поочередно нескольким допрашиваемым лицам. Однако уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает возможности постановки допрашиваемыми лицам вопросов друг другу. Не всегда на предварительном следствии проводятся очные ставки с целью устранения противоречий, в связи с чем мы считаем целесообразным ввести норму, позволяющую свидетелям ставить с разрешения суда вопросы друг другу по существу противоречий в их показаниях.

Говоря о пытках, которые предваряли допрос подсудимого, необходимо заметить, что Петром I впервые были приложены усилия для их регламентации. Если человек не признавался в совершении преступления,

то пытаться повторно его без получения дополнительных подозрений запрещалось. Судья нес ответственность за применение особо жестоких, не соответствующих тяжести содеянного методов. Не подлежали пыткам дворянство, лица старше 70 лет, подростки и беременные женщины, а также духовенство высоких рангов.

Среди источников права рассматриваемой нами эпохи особый упоминания достоин особый правовой акт – «Артикул воинский» от 26.04.1715 г.¹², регламентировавший различные стороны быта служивых людей. Глава XX «О содомском грехе, о насилии и блуде» содержит в себе методику расследования заявлений об изнасиловании, а также тактические рекомендации по проведению допросов потерпевших.

Судье у заявительницы при допросе надлежало выяснять следующие обстоятельства: имеются ли повреждения на одежде, телесные повреждения, как давно совершено преступление, есть ли свидетели, почему поздно обратилась с заявлением (если прошло более суток), звала ли на помощь. При этом рекомендовалось особо обращать внимание на поведение допрашиваемой: «при котором случае ее притвор и поступки гораздо примечать потребно»¹³. Факт недоброй славы заявительницы еще не являлся основанием для отказа в расследовании, «ибо насилие есть насилие, хотя над блудницею или честною женою, и надлежит судье не на особу, но на дело и самое обстоятельство смотреть»¹⁴.

Считаем необходимым отметить, что за прошедшие два века данные рекомендации не потеряли своей актуальности и часто лишь выяснение в ходе допроса указанных обстоятельств позволяет следователю и суду отграничить правдивые показания от заведомо ложного доноса.

Определенным диссонансом по отношению к предшествующему законодательству звучит именной указ от 05.11.1723 г. «О форме суда», отменивший розыск и сделавший суд единственной формой судопроизводства. Если его толковать буквально, то получается, что он нивелировал все предшествующее процессуальное законодательство, в том числе и «Краткое изображение процессов». Однако М.Ф. Владимирский-Буданов утверждал, что указ «О форме суда» первоначально применялся лишь в невоенных судах, военная же юстиция продолжала пользоваться «Кратким изображением процессов». Затем соотношение этих законов изменилось: указ стал применяться

в делах гражданских, а второй документ – в уголовных, причем как в военных, так и в невоенных судах. В дальнейшем эта двойственность форм процесса не удержалась: «как узаконения, так и практика решительно наклонялись в сторону инквизиционного процесса»¹⁵.

Таким образом, мы наблюдаем некую двойственность и противоречивость в действиях Петра I. С одной стороны, он пытался внедрить в юриспруденцию все передовые достижения правоведения Европы, с другой же – пытался превратить суд в институт исполнения воли монарха. Все это отразилось на процессуальном законодательстве той эпохи, в результате чего историки до сих пор ведут спор об областях применения тех или иных указов.

Разработка проблем судопроизводства осуществлялась не только на государственном уровне, но и отдельными мыслителями той эпохи. Например, тактика допроса обвиняемых и свидетелей уже в более или менее систематизированном виде изложена И.Т. Посошковым – современником Петра I, который в своем труде «От чего приключается напрасная скудость и от чего гобзовитое богатство умножается» (труд в наше время более известен под названием «Книга о скудости и богатстве»)¹⁶ обратил внимание на необходимость детализации показаний как эффективное средство изобличения лжи: «И как кого бог вразумит, надлежит в самую тонкость свидетелей допрашивать и все те дробные речи записывать имянно, как кто о чем ни скажет, потому что в свидетельстве без меры много ложных свидетелей бывает, а на тонкостных расспросах мудрено ему ложь свою укрыть будет»¹⁷.

Отметим, что в настоящее время тактический прием детализации показаний рекомендуется в учебных пособиях как одно из наиболее эффективных средств диагностики и изобличения ложных показаний, он не утратил своей актуальности как для предварительного следствия, так и для суда.

Т.И. Посошков полагал целесообразным допрос производить наедине в «особых чуланцах», чтобы во время его никто не мешал судье. Допрошенные лица должны были оставаться в отдельных комнатах, чтобы не иметь возможности общаться с еще не допрошенными свидетелями. Показания при этом следовало записывать дословно, дабы исключить возможность их последующего изменения.

Указанные рекомендации интересны тем, что в них впервые было предложено отде-

лять допрошенных свидетелей от недопрошенных, чтобы исключить корректировку показаний с учетом услышанной от других лиц информации. Таким образом, Т.И. Посошковым была заложена основа для формирования тактического приема сопоставления показаний.

Т.И. Посошков отрицательно относился к институту судебного представительства: «И чтобы на суде и в допросах были исцы и ответчики, а не наемные ябедники, понеже ябедники ябедничеством своим и многословием и самую правду заминают и правяго виноватым поставляют, а виноватого правым, и так правду заминают, что и судьи слов своих разобрать не могут»¹⁸.

Предупреждал он и о необходимости отдельного содержания лиц, впервые совершивших преступления и уже ранее привлекавшихся к уголовной ответственности, «потому что многие с приводу всю правду сказывают и в убийстве винятся. А когда старые колодники подкрепят, то уже и станет себя оговаривать и с огня уже не будет виниться, и так иные и на свободу выходят»¹⁹.

Таким образом, в труде Т.И. Посошкова помимо обсуждения вопросов государственного управления и экономики впервые в истории России обозначен серьезный подход к изучению вопросов тактики проведения судебного следствия, в том числе получения показаний. Впервые в работе даны основы тактических приемов детализации и сопоставления показаний. При этом субъектом использования тактических приемов выступает суд, который ввиду отсутствия на тот момент концепции разделения процессуальных функций осуществлял уголовное преследование от имени государства.

Интересной с точки зрения внедрения в законодательство и правоприменительную практику представляется возможность свидетелей ставить друг перед другом вопросы в ходе допроса в суде. Это, по нашему мнению, могло бы повысить эффективность тактических приемов, направленных на диагностику и изобличение ложных показаний (внезапность, детализация показаний, сопоставление показаний и др.). Особенно актуально данное предложение для допроса в суде с участием присяжных, поскольку последние оценивают достоверность показаний в том числе с учетом невербальной информации, получаемой ими от допрашиваемых лиц и иных участников процесса.

В заключение необходимо отметить, что в отдельных трудах и нормативных актах рассматриваемого периода, посвященных

вопросам судопроизводства, делались попытки осмыслить содержание процессуальных действий, в том числе и допроса, предложить практические рекомендации по получению достоверных показаний, исключению лжи. Вместе с тем ввиду общего

несовершенства процессуального законодательства и неразвитости юридической науки целостного учения о тактике допроса в исследуемый нами период времени разработано не было, хотя, как можно убедиться, потребность в этом у государства уже была.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Полное собрание законодательства. СПб., 1830. Т. III. № 1572. С. 278.

² Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. / Отв. ред. А.Г. Маньков. М., 1986. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. С. 408–425.

³ См.: Бобровский П.О. Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях. СПб., 1887. С. 52–53, 69.

⁴ См., напр.: Ромашкин П.С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. М., 1947. С. 26–31.

⁵ См., напр.: Юшков С.В. История государства и права СССР. М., 1900. Ч. 1. С. 376; Григорьев О.В. Формирование военно-судебной системы в ходе реформ Петра I // Российский судья. 2009. № 11. С. 30–34.

⁶ Владимирский-Буданов М.В. Обзор истории русского права. СПб., 1909. С. 642.

⁷ См.: Юшков С.В. История государства и права СССР. С. 376.

⁸ См.: История отечественного государства и права. М., 1992. Ч. 1. С. 240.

⁹ См.: Чельцов-Бebutov М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995. С. 709.

¹⁰ Военной устав с Артикулом военным, при котором приложены толкования, также с кратким содержанием процессов, экзерцицию, церемониями и должностями полковых чинов. СПб., 1748. С. 155.

¹¹ Там же. С. 158.

¹² См.: Там же. С. 94–148.

¹³ Там же. С. 138.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Владимирский-Буданов М.В. Обзор истории русского права. С. 642.

¹⁶ См.: Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения / Ред. и коммент. Б.Б. Кафенгауза. М., 1951. 411 с.

¹⁷ Там же. С. 328.

¹⁸ Там же. С. 346.

¹⁹ Там же. С. 351.

¹ Sm.: Polnoe sobranie zakonodatel'stva. SPb., 1830. T. III. № 1572. S. 278.

² Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.: V 9 t. / Otv. red. A.G. Man'kov. M., 1986. T. 4. Zakonodatel'stvo perioda stanovlenija absoljutizma. S. 408–425.

³ Sm.: Bobrovskij P.O. Voennye zakony Petra Velikogo v rukopisjah i pervopechatnyh izdanijah. SPb., 1887. S. 52–53, 69.

⁴ Sm., napr.: Romashkin P.S. Osnovnye nachala ugolovnogo i voenno-ugolovnogo zakonodatel'stva Petra I. M., 1947. S. 26–31.

⁵ Sm., napr.: Jushkov S.V. Istorija gosudarstva i prava SSSR. M., 1900. Ch. 1. S. 376; Grigor'ev O.V. Formirovanie voenno-sudebnoj sistemy v hode reform Petra I // Rossijskij sud'ja. 2009. № 11. S. 30–34.

⁶ Vladimirskij-Budanov M.V. Obzor istorii russkogo prava. SPb., 1909. S. 642.

⁷ Sm.: Jushkov S.V. Istorija gosudarstva i prava SSSR. S. 376.

⁸ Sm.: Istorija otechestvennogo gosudarstva i prava. M., 1992. Ch. 1. S. 240.

⁹ Sm.: Chel'cov-Bebutov M.A. Kurs ugolovno-processual'nogo prava. Oчерки po istorii suda i ugolovnogo processa v rabovladel'cheskih, feodal'nyh i burzhuznyh gosudarstvah. SPb., 1995. S. 709.

¹⁰ Voennoj ustav s Artikulom voennym, pri kotorom prilozheny tolkovanija, takzhe s kratkim sodержaniem processov, jekzercicieju, ceremonijami i dolzhnost'mi polkovykh činov. SPb., 1748. S. 155.

¹¹ Tam zhe. S. 158.

¹² Sm.: Tam zhe. S. 94–148.

¹³ Tam zhe. S. 138.

¹⁴ Tam zhe.

¹⁵ Vladimirskij-Budanov M.V. Obzor istorii russkogo prava. S. 642.

¹⁶ Sm.: Pososhkov I.T. Kniga o skudosti i bogatstve i drugie sochinenija / Red. i komment. B.B. Kafengauza. M., 1951. 411 s.

¹⁷ Tam zhe. S. 328.

¹⁸ Tam zhe. S. 346.

¹⁹ Tam zhe. S. 351.